

Адилбек

Абрайымұлы

НА НАШЕЙ СТОРОНЕ

* * *

Эти дни декабря, эти перистые облака.
 Стынет чёрный бурьян –
 в лютый холод ему нелегко.
 Но прекрасная песня
 доносится издалека,
 Над нарынским песком
 разливается далеко...

От сухого мороза беснуется,
 плачет верблюд.
 Даже волк сивогривый не сунется
 нынче к нему.
 Он, негодник, всё кружит в песках,
 всё хоронится тут,
 Где безумен верблюд, отчего –
 непонятно ему.

И проносится ночь, и морозный
 проносится день.
 Не пасётся верблюд. Сорок дней
 только воду он пьёт.
 Нет покоя ему. И маячит
 горбатая тень.
 А потом недоуздок хозяин ему принесёт.

Синий снег и верблюд – он оставит
 в снегу волосок.
 Что за радость в прогулках?
 Напрасно старается плеть.
 Он не знает, какой от прогулок
 бессмысленных прок,
 Но уж если сорвётся –
 придётся об этом жалеть.

Здесь, в пустыне Нарына,
 покажет верблюд свою власть.
 Норовистый верблюд,
 разойдётся верблюд сторяча:
 На колени верблюдицу тут же
 заставит упасть,
 Вырвав горб у стропливой,
 в морозное небо крича.

Стынет чёрный бурьян на сухих,
 на морозных ветрах.
 Но бурьян – лишь трава.
 И верблюды глядят свысока.
 И кричат, и беснуются
 в белых нарынских песках.
 Вот прошёл и декабрь.
 В небе перистые облака...

* * *

Луна-кокетка спрятала свой лик
 За кисеёй ночной, за облаками.
 Там притаилась. Застеснялась вмиг.
 Кто так смутил?
 Небесными краями
 Волчицей серою по облакам
 Моя душа бредёт, беду почуяв...

Как много в небе звёздного песка!
 Как листья молодого тальника
 Шумят, щебечут, тенями кочуя.
 Без передышки говорит июль,
 Щебечет и поёт неутомимо.
 Печаль моя, что не жалеет пуль
 И ранит сердце – выстрелила мимо.

Такой восторг вдруг ослепил меня,
В объятьях мира без конца и края!
Срывались звёзды, каплями звеня,
Мою печаль-кручину исцеляя.

Мне лоб ласкает лёгкий ветерок,
Щекочет нервы летней ночи слог.
Ах, вот моя луна! Она сияет.
Все облака-завесы развела.
Украла память, разум забрала.
Бежит, смеётся, всюду догоняет.

В песок степной я с нею упаду,
Как на перину белую в саду,
От запаха полыни опьянею...
И солнце близко – сделай только шаг.
Кто красотой божественной дышал?
Кто пропадал, и кто спасался ею?

БЕЛЫЙ ЛИВЕНЬ

Заструился дождь, летит и брызжет,
В окна чувств моих стучит. Всё ближе
Этот дождь, и вздрагиваю я,
И мечусь в круженье бытия,
Но упорство мною снова движет –

Я единоборствую с дождём!
Белый ливень вдруг меня окатит.
Может, отдохнёшь? Быть может, хватит?
Я в тоске и вечером, и днём...

Я тоскую. Боль сжигает веки.
Мне тоски не утолить вовеки.
Только в даль небесных
звёздных сфер,
В синеву глядят глаза Акзер,
И всю ночь с небес струятся реки.
Дни былые смутно вспоминаю...
Чем же всё закончится – не знаю.
Усмехнёшься – и захватит дух.
Засмеёшься – и смутишь мой слух.
И теснит мне грудь тоска без края...

Белый ливень, ливень белопенный,
Лик любимой – белый, незабвенный –

Всё штрихует линией косой –
Хочет зачеркнуть.

В огонь заката,
В зарево его уйду когда-то,
Унося с собою образ твой.
Будет он и в вечности со мной...

ВИДЕНИЕ

Обыскавшись меня,
смерть меня наконец-то нашла.
Как черна ты, земля.
Почему ты жестока была?
Грудь и так стеснена, только ждала,
за прошлое мстя,
Из холста пелена –
белый саван в четыре локтя.

Возопил я тогда, утонул
в бесконечной беде.
Где же дни и года? Где моя лунолика?
Где?
Всё в цветущем краю озаряла её красота.
Жизнь просеял мою –
и она оказалась пуста.

Ведь растратил я жизнь
на ничтожные пустышки.
И ко мне не сошлись, не пришли
на поклон земляки.
Им не нужен такой! И во тьме
погребальной земли
Духи умерших мной, как живые,
пренебрегли.

В недрах смертных полей изнемог
я в оковах холста.
И на шее моей след от чёрного хомута.
Вот, вдовица в слезах, плачет,
икры свои обнажив.
Что? Прилип этот прах и к тебе?
Стынет жалкая жизнь...

Знаю, знаю, в печали судьбе
покоришься своей.

Всё простится вначале.
 Но грудь твоя дышит живею.
 Мысли мечутся, скучены,
 нет твоим думам числа,
 И на лик твой измученный
 сетка морщинок легла.

Но откроется дверь для мечтаний
 стыдливых и грёз.
 На кого-то теперь ты помотришь
 сквозь марево слёз?
 И послушна судьбе, ты отыщешь
 любовь средь людей.
 Я прощаю тебе! Ты луну
 на чело мне прибей!

Стены я вспоминаю могилы моей,
 и в тоске
 Я кричу, я взываю к следам
 на горячем песке,
 Но не слышит, как взвыл,
 но уходит кочёвка живых.
 Так же мимо могил, так же я проходил
 мимо них,
 Без молитвы, руками
 не проведя по лицу...

И нахлынет раскаянье,
 снова приблизив к концу.
 Назидание в нём. И затмятся слезою
 глаза.
 Будет совесть, как гром,
 как небесного гнева гроза!

...Ты ни разу ко мне не пришёл
 после смерти, отец...
 В моём сердце, на дне, соль печали –
 печален конец.
 Твоей водки любимой налью –
 угощайся, аул!
 Стар и млад причастился
 и славно тебя помянул.

Тесен мир для меня. Тесен был
 и загробный мой дом.
 Вышел я из огня. Поглядел я
 с печалью кругом.

Что под глиной сырой,
 под певучим степным ветерком?
 И одно ли перо там осталось –
 под тем бугорком...

* * *

Я слышу, кони ржут за речкою Сулою.
 И кто хозяин их, я знаю наперёд.
 На нашей стороне, над тихой стороною
 Лишь облака плывут,
 и лишь полынь цветёт.

Когда-то Степь неслась,
 топча в набегах травы.
 Ты, Степь моя, была великою страной.
 Качается быльё. Остался прах от славы.
 Но жив ещё в крови
 тот грозный дух шальной...

Кипчакская арба глядится величаво,
 И крылья широки,
 но тянут беды вдаль.
 Куда ты, Степь, ушла, куда откочевала?
 Как Тихий океан, темна моя печаль...

И тетива-струна, натянутая предком,
 Оборвалась, молчит.
 Но треснули в руках
 У вражеских полков щиты
 доспехов крепких.
 Сгорели семь веков, а кровь жива
 в веках.

И вновь кипчаков кровь разыграла
 в наших жилах.
 Создатель! Отведи ты нас от новых бед!
 Декабрь. Площадь. Кровь.
 Нет, память не остыла,
 Хоть пронеслось уже немало зим и лет.
 И если кто-то вдруг
 в нас выстрелит из лука –
 Пусть хищная стрела
 кольчугу не пробьёт.
 Пусть я умру в бою,
 пусть я погибну в муках,
 Но лучником твоим, о Степь,
 уйду в поход!

Спокойна Степь моя.

Как мать люблю тебя я.

Ты за Сулой-рекой, на этой стороне.

Мы выпрямились в рост,
свободным стали краем.

Здесь я рождён, и здесь лежать
в могиле мне.

Как блестели глаза! Их тоска погасила...

Шёл по жизни я прямо, не врал я судьбе.

Самый нежный цветок стал трухой
над могилой.

Что такого, Всевышний, я сделал тебе?

Хмуро бросил поводья

моей тёмно-рыжей.

Ресторанную дверь отыскал я опять.

Родовит и высок, я отныне унижен,

И я счастья ишу, где его не сыскать.

Пью отраву-коньяк, о минувшем тоскую,

Об ауле, где счастья давно уже нет.

Что найду в Алматы,
всем на свете рискуя?

Что покажет мне Божий,
грядущий рассвет?

Показал он такое! Вовек не забуду...

В вечный хаос душа погрузилась моя.

Заграничная мода везде и повсюду –
Проститутки и доллары.

Пьянству и блуду

Я предался, продался за доллары я.

Не довольны ли мыкаться в этой трясине?

Все несчастья с тобой разделив, наконец,

Я давно уже умер. Любимый доньне,
Алматы, дорогой... ты ведь тоже мертвец...

На нежной девушке –
поношенное платье.

Оно скрывает красоту.

Опять я

Вдруг засмотрелся, прикоснулся к ней.

Девичья грудь – гранаты, что поспели,

На их верхушках, думал, в самом деле
Клещи присели – снять хотел клещей.

Отпрянула! Глаза, как у косули.

Сбежала, будто ветры её сдули.

Весенним вихрем Ангел улетел!

Дыханье сбив,
бежал я вдоль излуки.

Я сотни раз протягивал к ней руки,

Но ускользала от меня она.

И по обрыву, по речному склону

Бежал за ней к зелёному затону,

Где тальники, где плавает луна.

Бежал за ней вдоль шумного потока,
Но не догнал!

Зачем ты так жестока,

Моя судьба? Но, может быть, тальник

Поможет в тайном замысле, в охоте?

И вот споткнулась девушка в полёте,

Упала, обернувшись лишь на миг...

Не помню, может, плакала бедняжка,

И умоляла, и вздыхала тяжко,

И снова убегала от меня,

Но сердце опьянённое пылало!

Кусал я ногти – жизнь моя пропала!

Сгорел я в муках этого огня.

Нет безмятежных дней – остались тени.

Я вдребезги разбил

мой мир весенний,

И осквернил я нежную мечту.

Будь проклят, мой успех,

добытый боем!

Зачем я возомнил себя героем?

Зачем смутил девичью чистоту?

КАФЕ «СИЦИЛИЯ»

Расточает он время. Считает победы:

Скольким жизнь он испортил.

Живёт наугад.

Коль в «Сицилию» он заглянул

пообедать,

Знаю точно я: в «Мерсе» лежит автомат.

Это ты, город мой, Алматы!
 Красотою,
 Каждой малой росинкой,
 готовой пропасть,
 Ты пронзаешь!
 Но полнятся дни пустотою.
 Пустота утверждает
 верховную власть.

Если власть эта пальцами
 щёлкнет джигитам,
 То идут, не стесняясь, по головам.
 Иномарки. Гостиницы. Шлюхи.
 Бандиты.
 На охоту выходят они по ночам.

До чего ж терпелив ты,
 казах мой покорный,
 Тебя с места не сдвинешь
 в упрямстве твоём.
 Только есть и другие,
 что полночью чёрной
 Бьют, ломают хребты и сжигают живьём.

И плодится мошенник –
 зимою и летом.
 Вор Смагулов исчез. Без следа.
 Без ответа.
 До сих пор он не найден.
 Народ разъярён.

Он менялся, мой город, и видел я это,
 И сбивался с пути я и сам, как и он.

Шелест денег манил,
 что задаром даются.
 Я в «Сицилии» праздною. Читаю стихи.
 Но под музыку вечной поэзии жмутся,
 И, жеманясь, шальные девицы
 смеются:
 Ну, которая краше? Плати за грехи!

Погибал-пропадал в поцелуях. А рядом
 Был хозяин девиц. Парня он подкупил,
 Чтоб коньяк подливал.

Показался он ядом,
 Только парень меня всё поил и поил.

О казахи мои! Вы, шатаясь без дела,
 Нанимаетесь, нищие, вновь к чужакам,
 И на ваши тенге нагулявшие тело,
 Они едут в кафе, и на скатерти белой
 Ваших белых баранов едят они там.

Льются вина рекой, и дымятся мангалы
 У безродных шакалов народ мой –
 слуга.

Вышел я из кафе. Сердце
 горечью сжало.
 Отчего-то мне вспомнился Тума-ага...

«Эх!» – сказал я, печалась
 о горестной доле.

И, сто долларов бросив,
 с собою забрал
 Ту, одну из красоток
 весёлых застолий,
 Ту, которую больше других целовал...

Вечерний бар в мозаике богатой.
 Подсвечники – как в юртах купола.
 И тёмной жизни взлёты и закаты
 Спокойно отражают зеркала.

Здесь пиво пьют под тихий
 стон мелодий.

А в комнате соседней – чудеса:
 Красавицы очами там поводят,
 Узоры стен, ковры сплят глаза.

Да что там сказки, что Шехерезада!
 Красотки наши и её затмят,
 И красота её померкнет рядом.
 Обнажены. Принцессами глядят.

Стучат шары бильярдные, и в лузу
 Их загоняет точная рука.
 «Крутяк» гуляет. К денежному «пузу»
 Красотки льнут, хмельны от коньяка.

Бесстыдное кокетство – для улова.
 Их выбор прост, как и они просты,
 Невольницы отребья городского,
 Такого же, забывшего про стыд.

Дымя сигарой, виснет он над лузой,
 Хозяин жизни, жирный, как налим.
 Его мозги давно сместились в пузо.
 Он для Небес давно уже обуза.
 Есть Божий суд – и он неумолим!

Один джигит поведал мне об этом.
 Я одобряю боль его и пыл.
 Я виски пил, разбавленный рассветом,
 Печалью обессиленный, я пил.

Сторал я, наблюдая, холодея.
 И думал я:

придёт конец игры!
 Отрезать бы им головы, злодеям,
 И кием бить, гонять их, как шары!

...Но общество не видит и не слышит.
 Сидит оно в сторонке и не дышит...

КАРМАН

Капиталы текут в карман.

Мне противны и те и эти.

Все они – класс грабительских банд.

С.Есенин

Когда зависимый погибнет человек,
 Мы взбудоражены,

мы проклинаям век,

С утра до ночи думаем, в чём дело?

Инвесторы нам в уши льют елей,

И за надеждой мы бежим скорей,

Но вновь обман...

Игрушкой пустотелой

Все обещанья обернутся

вновь и вновь,

А недовольным разбивает лица в кровь

Властитель дней – хозяин капитала.

Такого ли хотела ты, страна?

С небес тебе упали времена,

Каких ты в своей жизни не видала!

Рабами делает зависимости гнёт.

Сперва подаст – потом предьявит

нищим счёт

Колонизатор – хитрый благодетель.
 Но встал рабочий из последних сил
 И грудью дзот от недруга закрыл,
 И разорвал он золотые сети!

Но что теперь? Чем новый день
 наш знаменит?

Без передышки Казахстан берёт кредит,
 И в должниках потомки Казахстана.

Жиреет англичанин, грабя нас.

Природный, Богом данный нам запас,

Покоя не даёт заморским странам.

В рабов мы правнуков без спроса
 превратим.

Карман бездонен,

никогда не сладить с ним,

Хоть сколько наполняй его деньгами.

И вот несчастье! Нам уж не узнать,

Кто будет всем владеть и процветать,

Ведь всех богатств он не разделит с нами...

И стонет люд костлявый,

жалуясь судьбе.

Бог недоволен, нет, ему не по себе.

А те, что на ладони поплевали,

За дело взявшись, вряд ли всех спасут,

И вряд ли их народ волнует тут:

У них свои и цели, и печали.

Народ от крови почернел. В раздумье он.

Не верит он, что защитит его закон.

И время жадное идёт в ночной туман,

Пришив на брюки «воровской карман».

Мой предок-казах, твоя кровь –

моя кровь.

Несли мы свой груз. Нагружала нас вновь

История – наш караванщик угрюмый.

Но Степь мы любили. Вела нас любовь.

Монгол набегал. Выбивал наш народ.

Вторгалась Россия – не кончился род.

Никто нас не смог покорить, уничтожить.

Мы вновь поднимались,

и шли мы вперёд.

Кочевники – Богом ваш путь освящён,
А юрты круглы, как в Степи небосклон.
Кас сак и кипчак – коренные казахи,
Ветвь чёрного дерева в кроне времён.

Великим был путь – целый мир был у ног,
И густо теснилось жильё у дорог.
Не знали кипчаки уныния – счастье!
И враг устоять перед Степью не мог.

Но грянул мороз! И великую Степь,
И бедный народ мой пробрал до костей.
Случайная гостья в обманчивом мире,
Удача однажды ушла из гостей.

Вот так и пройдёшь ты по жизни в нужде,
И милости Божьей не сыщешь нигде.
Нельзя изменить, что прошло, что сгорело,
Лишь пепел чернеет в степной борозде...

Был дух боевой у тебя, мой народ.
Не раз умирал, но душа не умрёт.
Шумит Акмола. В суете, в суматохе,
Иду, одинокий, и сердце печёт...

Переводы Надежды Черновой

